

Н.В. ИСАЕВА

## Роль юридического самоопределения субъекта в реализации прав и свобод

В статье предлагается авторская концепция реализации прав и свобод путем юридического самоопределения субъекта, формируемого в процессе ценностно-смыслового освоения идентификационных практик и достижения правовой идентичности.

**Ключевые слова:** права и свободы, формальное равенство, юридическое самоопределение, правовая идентичность.

The article proposes the author's conception of the realization of rights and duties by the subject's juridical self-realization formed in the process of value and sense learning of identification practices and achieving the legal identity.

**Keywords:** rights and freedoms, formal equality, juridical self-determination, legal identity.

Постнеклассическая методология<sup>1</sup> – ответ на изменение социальной парадигмы<sup>2</sup> в условиях глобализации. Она позволила не только отказаться от старого, этатистского, “государствоцентристского” видения и понимания права как “не работающего” [Поляков, 2007, с. 8], не соответствующего истинной природе права, его сущности, содержанию, форме, миссии в обществе [Шафиров, 2010, с. 86], но и актуализировать “человекомерную” методологию [Павлов, 2010, с. 21], вернуть “действующего субъекта” в право, все чаще трактуемое не абстрактно, а в социокультурном контексте [Честнов, 2010<sup>а</sup>, с. 78]<sup>3</sup>. Социокультурный контекст повлиял и на ключевые представления интерпретирования и понимания исследуемых правовых явлений как представления, “располагающиеся на пересечении юриспруденции, социологии и истории, философии и экономики, антропологии и лингвистики, этики, психологии и логики” [Мамут, 2011, с. 8].

Под влиянием междисциплинарного подхода в юридической науке возрос интерес к теории идентичности. Появилось немало авторов (Ю. Аврутин, В. Графский, В. Крусс, С. Поленина, Р. Рахимов, А. Хабибулин, И. Честнов и др.), использующих категорию идентичности<sup>4</sup>. Это с необходимостью ставит вопрос о востребованности

<sup>1</sup> Ее суть применительно к теории права обстоятельно рассматривается известным сторонником внедрения новых подходов в юридическую науку И. Честновым (см. [Честнов, 2010<sup>б</sup>]).

<sup>2</sup> “Парадигма подразумевает укорененную систему взглядов и способов деятельности, которые и являются управляющей инстанцией и транслируются в какой-то мере поверх политических режимов и экономических условий. Принципиальные качественные изменения картины мира и способов деятельности знаменуют собой смену парадигм” [Карнозова, 2010, с. 11].

<sup>3</sup> В другой работе Честнов пишет, что “формальная рациональность содержательно ограничена и не может застраховать глобализованное (или глобализирующееся) человечество от все возрастающих рисков” [Честнов, 2011, с. 139].

<sup>4</sup> Как правило, термин используется в качестве общеизвестного и не требующего дефиниции (подробнее об этом см. [Исаева, 2009, с. 8–13]).

исследования правовой идентичности, выявления эвристических, когнитивных и инструментальных возможностей введения в правовую науку категории “правовая идентичность”, в частности в связи с рассмотрением вопроса о юридическом самоопределении субъекта и его роли в реализации прав и свобод.

Представляется важным обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве работ по правам человека и проблемам их реализации права рассматриваются в отрыве от субъекта. Происходит некое абстрагирование от человека в его онтологическом значении. Субъект только предполагается из самой формулировки категории “права человека”. Даже в тех случаях, когда речь идет о возможности реализации установленного права или о восстановлении нарушенного права, оценивается прежде всего процедура, полученный результат (достигнутое благо, судебное решение), а не человек в его онтологически обусловленных взаимоотношениях с этими правами, что не позволяет оценить (установить) действительное положение состояния прав человека. Очевидно, это понимается исследователями, и не случайно в юридическую литературу по правам человека вводятся такие критерии, которые призваны выявить эти субъектно-объектные отношения. Так, Е. Лукашева в понятии права человека видит определенные нормативно-структурные *свойства и особенности бытия личности* [Права... 1999, с. 1], а Ф. Рудинский обращает внимание на права человека “как свойство личности”. “С точки зрения развития личности, – пишет он, – права человека – это возможности широкого использования и совершенствования своих способностей, талантов. Это – *способ самосовершенствования личности* (курсив мой. – Н.И.), возможности развития ее творческого потенциала, которые могут быть использованы как в личных, так и в общественных целях” [Рудинский... 2009, с. 18].

Однако, вводя категории, призванные охарактеризовать качественно новое состояние человека в его общении с правом, ученые-юристы не раскрывают механизм перехода права из внешнего явления во внутреннее качество человека (см. [Исаева, 2011, с. 32–36]). Это позволяет сделать дискурс правовой идентичности, понимаемой как форма бытия субъекта, включающего его юридическое самоопределение во времени и пространстве, признание этого самоопределения значимым другим субъектом, предположение о совпадении внутреннего самоопределения и внешнего восприятия как основы правовой активности, непротиворечивого, консенсуального правового общения.

Правовая идентичность как некая абстракция (абстрактная конструкция) необходима в гносеологических целях для более глубокого познания правовых явлений (правовой материи), полноты знаний о правовой действительности, выявления новых и уточнения имеющихся научных представлений о взаимодействии человека и права во всем многообразии его проявлений, возможных качественных изменений человека как результата этого взаимодействия. Правовая идентичность как способ формирования и передачи правового опыта, как социокультурный феномен существует в виде объективной реальности, независимо от того, подлежит она научному осмыслению или нет. Как пишет Честнов, она формируется как часть “социального конструирования правовой реальности, механизм ее воспроизводства” в условиях “влияния на процесс социокультурного конструирования правовой идентичности процесса глобализации” [Честнов, 2010<sup>а</sup>, с. 16].

Теория идентичности получила свое развитие прежде всего в психологии и социологии, причем не только в зарубежной, но и в отечественной историографии в связи с разработкой теорий личности и общества, в которых долгое время внимание акцентировалось на противопоставлении индивида и общества, антагонизме их интересов. Однако более продуктивными представляются теории, методологически выстраиваемые на признании их взаимодействия. Такой подход используется в социологии и социальной психологии зарубежными (Э. Эриксон, Ю. Хабермас) и отечественными (К. Абульханова-Славская, Н. Антонова, В. Мухина) исследователями. Он обусловлен постоянным взаимодействием и взаимообусловленностью личностной и социальной сфер. При этом важно, что внимание обращается на то, что личность стремится не

только соответствовать социальным нормам, но и сохранять свою неповторимость: "...формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения... посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него" [Эриксон, 1996, с. 32].

Важным для понимания механизма формирования идентичности стали идеи Хабермаса о взаимодействии (интеракции), обуславливающей самопознание субъекта: "В основание парадигмы понимания заложена перформативная позиция интерактивных участников, координирующих планы своих действий путем достижения взаимопонимания по поводу происходящего" [Хабермас, 2003, с. 307].

Существенную роль в развитии теории идентичности сыграл психосоциальный подход (см., например, [Абульханова-Славская, Воловикова, 2007, с. 5–14] к субъекту как к деятельности личности, способной ставить жизненные цели и достигать их, преодолевая противоречия личного и общественного характера. Этот подход оказал влияние и на решение теоретико-правовых проблем, в частности, при разработке теории субъекта права. Появляются фундаментальные работы (см. [Архипов, 2005<sup>5</sup>], исследующие субъект права на основе постнеклассической методологии как многоаспектного явления<sup>5</sup>, а не только как элемент состава правоотношения. И среди этих аспектов важнейший – способность формировать и осваивать правовую реальность прежде всего как систему прав и свобод человека.

Методологически важно в заявленной теме понимание того, что "субъект всегда сохраняет за собой свободу, возможность быть другим; он есть возможность усмотрения и самоопределения... Право вовсе не инструмент, средство усреднения личности, каток, посредством которого унифицируются правовые качества, свойства личности, но сфера ее собственного самоопределения, правового самосозидания" [Архипов, 2005<sup>6</sup>, с. 22–23].

Указывая на способность субъекта к самоопределению, С. Архипов не раскрывает сам термин, равно как и механизм самоопределения. Для раскрытия этих аспектов прежде всего следует оговориться, что речь идет об индивидуальном субъекте права, понимаемом и как социальная личность, и как индивидуальность. Эта оговорка представляется важной, поскольку в правоведении встречаются работы, акцентирующие внимание лишь на одном аспекте. Так, основываясь на антрополого-культурологическом подходе к онтологии и гносеологии права, Честнов предлагает рассматривать субъект права (каковым "всегда является человек, хотя и не всегда выступает от своего имени") как социальный субъект, конструируемый социумом. К участникам этого конструирования автор относит власть ("государственная власть, правящая элита"); референтную группу, которая "формирует юридические (социальные) статусы, внося правовые инновации в существующую структуру – правовую систему"; "народ – широкие массы, которые легитимируют правовую инновацию элиты (референтной группы)" [Честнов, 2010<sup>8</sup>, с. 16–17].

Под субъектом права ученый понимает «юридический статус, закрепленный в норме права (понимаемой как структура), и конкретного человека, своими практически действиями и психическими процессами, неотделимыми от поведенческих актов, его осуществляющего. Поэтому субъект права конструируется как теми, кто формирует правовые статусы, так и людьми, вынужденными "играть" по правилам этих статусов» [Честнов, 2010<sup>8</sup>, с. 18].

Представленная позиция, основанная на теории социальной идентичности и методологии социальных представлений, заслуживает внимания прежде всего указанием

---

<sup>5</sup> С. Архипов пишет: "Субъект права способен постоянно прирастать новыми качествами, поэтому всегда существует возможность выделения новых аспектов его понимания, при этом он не сводим ни к одному из них, ни ко всем вместе, сохраняет за собой способность расширять сферы своей правовой жизнедеятельности, видоизменяться" [Архипов, 2005<sup>6</sup>, с. 21–22].

на “конструкционистскую активность” человека, обусловленную разными социокультурными факторами, а также акцентированием внимания на механизме превращения социального субъекта в субъект права как “диалогическом отношении идентификации” человека с социальным статусом, социальной группой – носителем коллективной памяти, составляющей ядро социальных представлений. Однако, говоря о диалогичности субъекта права, автор забывает о том, что далеко не всегда человек проявляет свою индивидуальную сущность только в диалоге с обществом.

Активность субъекта права может проявляться как в освоении социальной (правовой) действительности, так и в самотрансценденции – способности человека выходить за наличное бытие как потребности к творческому самосовершенствованию, результаты которого не всегда могут быть обусловлены и реализованы в реальных поступках, но важны для самосознания личности (см. [Ерофеева, 2008, с. 267])<sup>6</sup>.

В связи с этим следует прислушаться к настоятельным рекомендациям ученых поразмышлять над темой “личной самоидентификации наряду с идентификацией групповой” [Графский, 2007, с. 75]. Трудность самоидентификации современного человека, отмечаемая Графским [Графский, 2010], обусловлена не в последнюю очередь и сохраняющимся в юридической науке пониманием личности прежде всего как человека социализированного, без учета индивидуальных потребностей в саморазвитии, самосовершенствовании, самоопределении, в том числе правовом.

Дискурс правовой идентичности позволяет исследовать как процесс формирования субъекта права, так и его содержание, сущностным компонентом которого выступает система *ценностно-смысловых представлений*, определяющих его жизненные ориентации в правовой реальности, которые “он проецирует на свое будущее” [Мухина, 1999, с. 50]. А это, в свою очередь, заставляет задуматься о том, включаются ли предлагаемые права и свободы в систему жизненных ценностей субъекта, влияет ли все более расширяющийся каталог прав и свобод человека на качество субъекта в смысле его совершенствования, формирования чувства собственного достоинства, уверенности в завтрашнем дне.

Очевидно, что правовой статус, фиксируемый позитивным правом в системе национальных и международных норм, – это лишь внешняя по отношению к субъекту данность, тот ожидаемый, представляемый (в формально-юридической абстракции) субъект права, о котором пишет Честнов. При этом следует иметь в виду, что в юридической литературе до сих пор нет единства мнений по поводу самого термина “правовой статус” и его содержания. Так, Н. Витрук пишет, что “более правильно различать два самостоятельных понятия – правовое положение (статус) личности в широком смысле и правовое положение (статус) в узком смысле как отражающих явления, реальную связь между которыми можно определить как отношение целого и части... *правовое положение личности – широкая, обобщающая категория*, которая раскрывает все элементы закрепленного в праве состояния личности, находящиеся между собой в определенных связях, в социальном плане обусловленные тем местом, какое личность занимает в системе общественных отношений”. “Среди всех правовых явлений, характеризующих правовое положение личности, – пишет он далее, – следует выделить систему признанных государством прав, свобод и обязанностей как основу, ядро, стержневой элемент правового положения. Ее и следует определить как *правовой статус личности*” [Витрук, 2008, с. 25–27]. Эти определения убедительно демонстрируют “классическую” разделенность человека и его прав.

Безусловно, сам факт наличия прав и свобод важен. Абстрактно представленное правовое положение составляет важный аспект правового самоопределения как потенциальную возможность освоения предлагаемых прав, свобод и обязанностей. Однако реальное их освоение в немалой степени будет обусловлено, во-первых, теле-

---

<sup>6</sup> В философской антропологии самотрансценденция в ее секулярном, не связанном с сверхъестественным, значении рассматривается как фактор (основа) формирования личности, способность к освоению разных видов реальности – природных, социальных, духовных, в результате чего происходит саморазвитие, самосовершенствование человека.

ологической интенциональностью конкретного субъекта, сумевшего увидеть в этих правах и свободах основания для самоопределения; а во-вторых, наличием значимого другого субъекта, транслирующего идентификационные практики.

Вопрос об идентификационных практиках субъекта права и их роли в его юридическом самоопределении имеет не только внешний по отношению к субъекту критерий, но и внутренний. Идентификационные практики направлены не только на опознание (означивание) субъекта права, но и его самоопределение как процесса и результата выбора субъектом своей позиции, целей и средств самореализации, механизма обретения и проявления свободы. Это не в последнюю очередь связано с изменением системы ценностей и самооценки, произошедшем в российском обществе на рубеже XX и XXI вв. Как показывают исследования, люди с высокой самооценкой гуманистически ориентированы по отношению к окружающему миру и другим людям, они демонстрируют возрастание ценностей социальной смелости и ответственности (см. [Абульханова-Славская, Воловикова, 2007]), что существенно для формирования юридического самоопределения.

Дело в том, что самоопределение, выражающееся в представлении о правах, обязанностях и ответственности, связано с пониманием содержания и объема притязаний субъекта к другим субъектам (обществу, государству, иному значимому субъекту). В этом смысле юридическое самоопределение – сопровождающееся положительной оценкой субъекта отражение его качеств в собственном сознании, что позволяет отграничить самоопределение от правового статуса, понятие которого выражает оценку внешнего (объективного) характера.

Процесс идентификации как процесс познания правовой реальности и включенности в нее не в последнюю очередь связан с убедительностью практики, совпадением с представлением о ее истинности. Поэтому содержание самоопределения как результата правовой идентификации может зависеть и от предлагаемых практик, и от совпадения (несовпадения) сложившихся (имеющихся) представлений о правах и свободах с этими практиками. Фрагментарность, неубедительность практик может порождать диффузное самоопределение, ведущее к правовой аномии, правовому нигилизму.

Под самоопределением субъекта предлагается понимать юридическое качество, складывающееся на основе имеющихся и формируемых в процессе освоения правовых идентификационных практик представлений о правах, обязанностях и ответственности и реализующееся в правовой активности. Это – обусловленная временем и пространством бытия субъекта, его индивидуальная, самостоятельная деятельность, направленная на развитие, самосовершенствование и самореализацию.

Временной и пространственной критерии играли и продолжают играть существенную роль как в формировании, так и в выборе идентификационных практик. Несмотря на глобализацию и интеграцию, опыт показывает преимущественный выбор внутригосударственных (национальных) правовых оснований самоопределения. Вместе с тем рубеж XX–XXI вв. существенно изменил отношение людей к праву, в том числе в России. С одной стороны, сохраняются патерналистские ожидания в сфере реализации прав человека, а с другой – наши граждане постепенно приходят к пониманию значения права в их жизни, хотя бы на уровне отстаивания элементарных жизненных потребностей (своевременная выплата зарплат, пособий, восстановление на работе и т.п.)<sup>7</sup>. В первую очередь это касается молодых людей, все более ориентирующихся на либеральные ценности, социальную и деловую активность (см. [Социальные... 2002]). Однако транслируемые и поддерживаемые государством как основания идентификации либеральные ценности индивидуальной свободы за пределами правовой идентичности в современных условиях могут привести к диспропорции в юридическом самоопределении. Чтобы этого не произошло, необходимо выполнить

---

<sup>7</sup>О трансформации представлений российских граждан о праве и законе, а также связанных с ними ценностей и жизненных стратегий см. [Арутюнян, Здравомыслова, Курильски-Ожвэн, 2008].

два условия: наличие значимого другого субъекта и совпадение правовых представлений.

Первое обеспечивается достижением правовой идентичности, выступающей формой бытия субъекта и включающей не только его юридическое самоопределение, но и признание этого самоопределения значимым другим субъектом права, а также предположение о совпадении внутреннего (индивидуального) самоопределения и внешнего восприятия как основы правовой активности. Правовая идентичность как социальное качество субъекта отражает и его включенность в общественные связи и отношения, и состояние самопознания, восприятия своей индивидуальности и схожести, тождественности другим. Это дает ощущение социального комфорта, безопасности, чувства собственного достоинства, обеспечивает неконфликтное взаимодействие (коммуникацию, диалог, общение) с другими субъектами права, солидарность и взаимную ответственность.

Представляется, что реализация второго условия возможна при понимании права как формального равенства. Несмотря на сохраняющиеся весьма критические публикации<sup>8</sup>, ширится число сторонников предложенной В. Нерсисянцем идеи понимания права как формального равенства свободных людей в общественных отношениях. Более того, она рассматривается как претендующая на “общезначимость и универсальность” [Марченко, 2010, с. 66–67]. Так, М. Марченко, оценивая философско-правовые взгляды Нерсисянца [Нерсисянц, 1997], пишет: «В качестве примеров (общезначимости и универсальности. – *Н.И.*) можно указать на такие краткие характеристики (своего рода общие определения понятия права, как “право – это формальное равенство”, “право – это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей, “право – это всеобщая справедливость” и др.). Другое дело, такого рода “понимания” права и его определения весьма односторонни, абстрактны и чрезвычайно общи. Однако они существуют и при этом широко и успешно используются на самом высоком уровне – на метауровне, по крайней мере, в двух своих ипостасях: *как первые, изначальные во всем процессе познания правовой материи шаги, и как своего рода общесоциальные ориентиры* в дальнейшем ее исследовании» [Марченко, 2008, с. 67], которые получают свое развитие на среднем уровне (правовая семья) и нижнем – микроуровне (национальная правовая система). «Обладая весьма общим, абстрактным характером на макроуровне, “универсальное” понятие права приобретает более конкретные в формально-юридическом и фактическом, точнее социально-политическом, плане признаки и черты на среднем и, в особенности, на нижнем уровне познания правовой материи и, соответственно, – в рамках отдельных правовых семей и национальных правовых систем» [Марченко, 2008, с. 68].

Отмечаемые правоведами заслуга и научная прозорливость Нерсисянца заключаются в том, что он на основе обобщения опыта научного и философского осмысления феномена права верно угадал, выделил, определил основную тенденцию развития самого права – его очеловечивание и способность науки и философии к постепенному осознанию взаимообусловленности человека и права. Такого рода определения права, пусть “весьма односторонние, абстрактные и чрезвычайно общие”, в то же время существуют и успешно используются на разных уровнях познания и действия права. Можно, таким образом, говорить о формальном равенстве как общем идеальном научно-теоретическом представлении (образе) права, имеющем не только когнитивное и методологическое, но и практическое значение. Несмотря на то, что эта концепция получила развитие в рамках классической рациональности, она сумела предложить не только базовый, сущностный признак права – формальное равенство, но и возможность иного видения отношений человека и права.

<sup>8</sup> См., например, [Мартышин, 2002; 2008; Сырых, 2006; 2009]. Появление юридино-либертарной концепции правопонимания было исторически обусловлено как внутренними, так и внешними, весьма противоречивыми по своим результатам изменениями социальной действительности России конца XX в. И это определило не только прогрессивность концепции в сравнении с существовавшей доктриной, но и заблуждения, недостатки, которые чаще всего и подвергаются критике.

В рассматриваемом дискурсе важен поднятый Нерсисянцем вопрос о свойствах человеческого бытия, генезисе права и правовой природе человека. К числу фундаментальных свойств он относит способность человека «по своей разумной природе жить и действовать (пусть и ошибаясь) в определенным образом осознаваемом (и “пропущенном” через сознание) и осмысленном мире.... Человеческий способ бытия включает в себя уразумение, осмысление, понимание этого бытия, себя и всего остального мира, себя в мире и мира в себе». При этом подчеркивается, что “так же в принципе обстоит дело во взаимоотношениях человека с миром права” [Нерсисянц, 1997, с. 7–8].

Объектом правовой идентичности в либертарном правопонимании выступает право как формальное равенство, “как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей”. Опираясь на трактовки Нерсисянцем генезиса права и правовой природы человека, можно говорить, перефразируя Э. Эриксона, о непрерывном правовом самоопределении личности, для которой “значение имеет осознание как раз того обстоятельства, что в абстракциях права за внешней условностью речь идет о самом главном и существенном в жизни индивида и всего социума – о свободе, справедливости, равенстве, что правовые условности – это на самом деле абсолютно необходимые условия достойной человека жизни всех и каждого” [Нерсисянц, 1997, с. 17, 42].

Именно таким образом понимаемое право – средство самосовершенствования личности, один из способов духовного освоения мира наравне с этикой, моралью, религией. Безусловно, это более высокий уровень развития самого человека как субъекта права, требующий известных усилий с его стороны, тем более что право – преимущественно сфера рациональных, абстрактных представлений, затрагивающих соотношение личности и общества, государства<sup>9</sup>. Это важно учитывать особенно сейчас, в условиях постиндустриального общества, когда ценностью самореализации является технология, а не миф, религия (доиндустриальное общество) или идеология (индустриальное общество) [Аргунова, 2005, с. 15].

Освоение права, его интериоризация, формирование и достижение правовой идентичности могут рассматриваться как одна из технологий ценностной самореализации личности – путем реализации правового статуса как правосубъектности. При этом правоспособность, абстрактная свободная возможность приобрести – в соответствии с общим масштабом и равной мерой правовой регуляции – свое, индивидуально-определенное право (см. [Нерсисянц, 1997, с. 44–45]) в процессе правовой идентификации осознается как равенство стартовых возможностей в правопритязаниях, понимаемое как равенство в свободе и справедливости.

Именно категории свободы и справедливости рассматриваются как базовые ценности в теории прав человека, а значит, они должны в первую очередь выступать объектами идентификации личности. Однако даже в теории эти ценности понимаются неоднозначно (см. [Пресняков, 2009]). Для конкретного человека его права выступают прежде всего как возможности получения некоего социального блага, причем нередко понимаемого как права-требования, то есть возможность требования определенного поведения обязанного лица (см. [Матузов, 1999, с. 140–141]). В ситуации экономической нестабильности – это права, которые государство относит к системе прав социального обеспечения. И в этом, собственно, нет ничего плохого, если они не порождают социальное иждивенчество и если их гарантии не ведут к ограничению всех остальных прав. Очевидно, чтобы этого не произошло, юридическое самоопределение субъекта должно основываться на понимании прав человека как многоаспектной возможности: право-поведение – право на собственное действие; право-притязание – возможность защитить свои права; право-пользование – возможность пользоваться определенным социальным благом [Рудинский... 2009, с. 188].

---

<sup>9</sup>Как считают социальные психологи, “в сознании российской личности множество представлений не согласуются друг с другом, порождая вопросы и проблемы или оставляя личность в состоянии непонимания происходящего” [Абдулханова-Славская, Воловикова, 2007, с. 9].

В связи с этим заслуживает внимания концепция конституционного правоупотребления, разработанная В. Круссом: "...правоупотребление – это практическое, соответствующим образом осознаваемое и представленное, предполагающее надлежащую объективную оценку восприятие и опосредование пользования каждым человеком основными правами и свободами для целей обретения и усвоения тех конституционных благ, которые он сам полагает для себя необходимыми" [Крусс, 2007, с. 21].

Правовая идентичность – один из способов упорядочения социальной жизни личности. Ее дискурс позволяет предположить, что осознаваемое и основанное на объективной оценке правоупотребление возможно только при сформированной (достигнутой) правовой идентичности, когда основные права и свободы восприняты и усвоены на субъектном уровне и являются неотъемлемым компонентом индивидуального юридического самоопределения. В противном случае обретение и усвоение конституционных благ, которые человек считает для себя необходимыми, может привести к злоупотреблению правом.

Поэтому осознание субъектом прав, свобод и законных интересов должно подкрепляться пониманием необходимости несения обязанностей, которые им корреспондируются и обеспечивают общественный правопорядок и дисциплину. Как пишет Б. Эбзеев (член Конституционного суда РФ), "обязанности есть столь же важный элемент механизма саморегуляции и саморазвития общества, именно в этом широком социальном аспекте и заключается смысл демократии, как и права, и столь же атрибутивное качество личности, развивающейся в обществе" [Эбзеев, 2007, с. 9].

Безусловно важным компонентом юридического самоопределения субъекта должно быть отчетливое представление о возможности наступления юридической ответственности за нарушение прав других субъектов. Причем существенно важно, чтобы эти представления рассматривались не как умаления прав и свобод, но как следствие нарушения основополагающего принципа российской Конституции, закрепленного в ч. 3 ст. 17 и гласящего: "Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц". Очевидно речь должна идти о ценностном освоении правовых запретов, их роли в регулировании социального поведения субъекта. Такое освоение исключает вредное (негативное) правовое поведение [Кудрявцев, 1982, с. 37]<sup>10</sup>, вместе с тем требует более высокого интеллектуально-волевого уровня развития самого субъекта.

Таким образом, юридическое самоопределение субъекта, понимаемое как ценностно-смысловое устойчивое непротиворечивое состояние представлений субъекта о правах, обязанностях и ответственности, существенно не только для реализации прав и свобод самим субъектом, но и как условие его готовности к конструктивному взаимодействию с другими субъектами, равным образом выстраивающими индивидуальное юридическое самоопределение.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова-Славская К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5.

Аргунова В.Н. Социальная справедливость: социологический анализ. Автореф. дисс... д.с.н. СПб., 2005.

Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожэвэн Ш. Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России. М., 2008.

Архипов С.И. Субъект права (Теоретическое исследование). Дис... д.ю.н. Екатеринбург, 2005<sup>а</sup>.

Архипов С.И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005<sup>б</sup>. № 7.

<sup>10</sup> Следует сказать, что В. Кудрявцев был одним из первых разработчиков категории "правовое поведение", выделявшим правомерное и неправомерное (правонарушающее) поведение, исходя из юридической оценки человеческого поведения на основе действующего позитивного права.



- Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
- Графский В.Г. Права личности: необходимо новое толкование известной философско-правовой формулы // Права человека и современное государственно-правовое развитие. М., 2007.
- Графский В.Г. Право как результат применения правила законной справедливости (интегральный подход) // Государство и право. 2010. № 12.
- Ерофеева К.Л. Сущность единичного человека как проблема философии // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 8.
- Исаева Н.В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009.
- Исаева Н.В. Реализация конституционных прав человека и гражданина в России в дискурсе правовой идентичности (обсуждая некоторые судебные решения) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4.
- Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010.
- Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007.
- Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
- Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М., 2011.
- Мартышин О.В. Конституция РФ 1993 г. и развитие теории государства и права (некоторые методологические аспекты) // Государство и право. 2008. № 12.
- Мартышин О.В. О “либертарно-юридической теории права и государства” // Государство и право. 2002. № 10.
- Марченко М.Н. Проблемы правопонимания и разработки общего понятия права // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, 22–24 апреля 2008 г. М., 2010.
- Матузов Н.И. О праве в субъективном и объективном смысле // Правоведение. 1999. № 4.
- Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. Учебник для студентов вузов. М., 1999.
- Нерсисянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. М., 1997.
- Павлов В.И. “Смерть” субъекта права, или к вопросу о необходимости разработки новой концепции “правового человека” // Философия права. 2010. № 3.
- Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4.
- Права человека: учебник для вузов. М., 1999.
- Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости. М., 2009.
- Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека: современные проблемы теории и практики. М., 2009.
- Социальные представления и мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы. Ч. 3. М., 2002.
- Сырых В.М. Несостоявшееся опровержение частного права при социализме // Право, законодательство, личность. Научный журнал. 2009. № 1–2.
- Сырых В.М. Юрико-либертарное правопонимание: за и против // Право, законодательство, личность. Очерки. Саратов, 2006.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования. Учеб. пособ. Краснодар, 2010<sup>а</sup>.
- Честнов И.Л. Постклассическая парадигма модернизации правовой системы // Модернизация правовой системы России: проблемы теории и практики. Муромцевские чтения: материалы XI Международной научной конференции, 11 апреля 2011 г. М., 2011.
- Честнов И.Л. Постнеклассическое правопонимание. Краснодар, 2010<sup>б</sup>.
- Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Сер. “Юридические науки”. 2010<sup>а</sup>. № 14(57)/10.
- Шафиров В.М. Правопонимание: человекоцентристский подход // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, 22–24 апреля 2008 г. М., 2010.
- Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.